

Copyright © 2022 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1081-1092
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1081

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The History of Kalmyk Everyday Life in the 18th century

Maksim M. Batmaev^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the relationship of Kalmyks with neighboring peoples in the 18th century. At this time, they occupied the southern Russian steppes from the Don to Yaik with their nomads. In the southwest of their nomadic territory, the Kalmyks had relations with the Crimean Khanate and the Don Cossacks. In the south with the Kuban Tatars, the bulk of which were Nogais, ousted by the Kalmyks from the interfluvium of the Volga and Yaik. Relations with the peoples of the North Caucasus were less intense, except for a number of Kabardian princes. Kazakhs were the main neighbors in the southeast. On the northern borders of their residence, the Kalmyks already interacted with the Russian population, mainly with Russians, as well as with the Bashkirs.

In the 17th century, busy mainly with the development of new habitats, Kalmyks contacted the Russian population most often sporadically, and contacts were not always, if not more so, peaceful. In the 18th century, the situation gradually, but now without interruption, changes for the better. Armed raids disappear; more and more relations are becoming peaceful, the first steps of acculturation of the Kalmyks are taking place. It goes implicitly: through the resettlement of the Russian population in the Lower Volga region, the North Caucasus and partly on the lands of the Kalmyk steppe; the departure of Kalmyks to neighboring cities to be hired for various jobs; engaging in non-cattle-breeding work; Christianization, etc.

Representatives of other peoples also got into Kalmyk society, most often through captivity: Kuban and Crimean Tatars, Nogais, Bashkirs, and the same Russians. They often created mixed families with the Kalmyks – in addition, this process had an impact on the anthropological type of a part of the Kalmyks.

Keywords: everyday life, predestination of everyday life, household realities, relations between peoples, acculturation, transition to peaceful relations.

1. Введение

Статья посвящена малоизученной и слабо освещенной теме – повседневной жизни в прошлом основной массы калмыцкого народа, так называемых простолюдинов. Между тем именно они были производителями всех материальных основ существования народа, хранителями и продолжателями дальнейшего развития духовных и в целом всех культурных достижений. Хронологически работа охватывает XVIII в. Калмыцкая повседневность рассматриваемого нами периода в целом определялась хозяйственно-бытовыми и социальными реалиями. Занятие основной массы населения экстенсивным кочевым скотоводством обуславливало соответствующие хозяйственные занятия, а они (то есть занятия) – приспособленный к ним быт.

Правящие сословия эксплуатировали труд простолюдинов, но на том уровне общественного развития калмыцкого народа и не могло быть по-иному. Народ в своей массе воспринимал тогдашние социальные отношения как должностные, а в какой-то мере даже как данные сверху, божественным предопределением. Но была и другая повседневность, не вытекавшая напрямую из кочевой жизни. Эта, вторая, параллельная с первой повседневность определялась историческим развитием российской

* Corresponding author

E-mail addresses: maximbatmaev@yandex.ru (M.M. Batmaev)

повседневности. В XVIII в. южнорусские степи, по которым кочевали калмыки, граничили с землями и народами, не входившими в состав России. Отношения с ними не всегда были мирными.

Вместе с тем шло проникновение русского населения на земли Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В связи с этим случались столкновения калмыков с новопришлым населением; развивались и добрососедские отношения, вплоть до смешанных браков; перенимались новые хозяйственно-бытовые навыки.

Целью данной статьи является выявление и описание новых явлений в социально-поведенческой повседневности калмыцкого народа того времени.

2. Материалы и методы

В ходе работы над статьей были привлечены не опубликованные ранее и не введенные в научный оборот материалы Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) – Фонд 119 «Калмыцкие дела» и Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК) – Фонд И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». Методология исследования базируется на сочетании сравнительного и системного анализа. Сравнительный анализ позволяет находить в процессах, присущих развитию калмыцкой повседневности, общее и особенное с повседневностью, типичной для кочевых народов вообще, что дает возможность лучше понять и ту, и другую. Системный анализ дает возможность изучать калмыцкую повседневность в сцеплении всех ее элементов как взаимосвязанное целое.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии имеется ряд работ, посвященный хозяйственно-бытовой и религиозной жизни калмыцкого народа (Бакунин, 1995; Дуброва, 1998; Костенков, 1870; Небольсин, 1852). В советское и постсоветское время также был опубликован ряд трудов подобного же содержания (Бакаева, 1994; Батмаев, 1993; Батмаев, 2008; Батыров, 2014; Душан, 1976; Пальмов, 1929; Цюрюмов, 2007). Здесь представляется необходимым отметить, что почти все названные работы носят ярко выраженный этнографический характер. Между тем дело в данном случае заключается в первую очередь не в том, чтобы рассматривать хозяйственно-бытовые сюжеты, хотя они и являются (и не в последнюю очередь) важной составляющей людской повседневности. Целью предлагаемой статьи является выявление и описание новых явлений в социально-поведенческой повседневности калмыков в рассматриваемое время.

4. Результаты

Некалмыцкое население в Калмыцком ханстве

Кочевая жизнь таила много опасностей. Жили в безбрежной степи небольшими хотонами, обитатели которых чаще всего были родственниками. Расстояния между хотонами иногда были довольно значительными. В XVIII в. Калмыцкая степь была пограничной и сюда нередко наведывались отряды крымских и кубанских татар, за спиной которых стояла тогда еще сильная султанская Турция. Калмыки не оставались в долгу: их отряды также появлялись в татарских становищах, и тоже не с мирными намерениями. При подобных столкновениях представители обеих сторон попадали в плен и часто оказывались на невольничьих рынках. Для защиты улусов от нападений неприятелей была выработана система их охраны. Когда к зиме улусы переходили для кочевания на нагорную (правобережную) сторону Волги, то вооруженные отряды, по словам хана Аюки представителю царской администрации И.Д. Бахметеву, «всегда с знатными владельцы бывают в походе перед улусами от набегов кубанских и от других неприятелей (АВПРИ. Ф. И-119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 3об.).

Более подробно эту систему описал В.М. Бакунин: калмыки, по его словам, для защиты от кубанцев и казахов содержат заставы, и когда узнают о приближении неприятеля, то навстречу ему «с войсками своими никогда не выходят, но каждый улус, спасая себя, бежит вдаль, и как верблюды с вьюками ведены, так и стада конские и скотские гонимы бывают калмычками и малолетними детьми, а сами калмыки на лучших лошадях и вооруженные следуют позади своих улусов для отпору от неприятеля. А на встречу неприятеля не выходят для того, что как с обеих около их сторон весьма пространные степи, то в случае выхода их войск на встречу неприятеля могут с оными разойтись», и неприятель, ограбив тем случаем улусы, может, не встретившись с ними, уйти (Бакунин, 1995: 59). На границе с казаками также было беспокойно. Например, в 1723 г. они разбили и разграбили 5 000 кибиток владения Доржи Назарова и Лекбея (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 22об.). Случались столкновения и с донскими казаками. Так, в письме на имя Анны Иоанновны в мае 1735 г. Дондук-Даши жаловался на их нападения и грабежи, во время которых казаки Чирского городка захватили «пять коробей с книгами и бурханами» (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 126об.).

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, шло проникновение в калмыцкое общество представителей других народностей, в первую очередь русских. Рассмотрим подробнее, какими причинами данный процесс вызывался и имел ли он определенные последствия. Предварительно необходимо сказать, что сближение калмыков и русских началось в XVIII в. не на пустом месте:

определенный приступ к нему был заложен в предыдущем столетии. Так, к 1726 г. относится свидетельство, письменно зафиксированное тогда же, что на Дону «калмыцкая баба покуначилась з женою Филипа Долгова, она калмычка подарила ей телком, а она Долгова жена подарила мешок муки пшеничной, да мешок пшена, денег в алтын» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 98). Это стало возможным не в последнюю очередь потому, что в это время на Дону уже жили «базовые», то есть оседлые казаки-калмыки, разумеется, не надо сбрасывать со счетов и личные симпатии.

В это же примерно время, пишет некий Василий Перфилов, казак из Черкаска, который при торговле задолжал казакам 200 руб., бежал от займодавцев в калмыцкие улусы, где Дондук-Омбо женил его на калмычке и дал для развода скот. Казак пожелал жену свою крестить. К этому моменту он служил толмачом у своего благодетеля и умел читать и писать по-русски и по-калмыцки (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 97). Буквально напрашивается вывод, что жесткий в поведении и далеко не сентиментальный нойон, в будущем хан, знал лично незадачливого торговца. Остается неизвестным, какова была и чем кончилась его служба.

30 января 1734 г. давала показания при допросе вышедшая из улусов женщина: «Мать моя родная была пленница от русских людей, а с которого города того я за малалетством сказать не могу. И по взятии в плен в калмыки выдана была в замужество за вольным калмыком, а по смерти одного калмыка и матери моей взял меня в холопство Галдан-Данжина владения калмык Дондук Геленов, а зовут меня Цацьком» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 95). Интересно отметить, что роспись под показанием написана калмыцким письмом; правда, имя не понять – может, не сама поставила подпись.

Возвращаясь назад, к концу 1720-х гг., мы видим, что некоторые русские покупали у калмыков, а при удобном моменте продавали калмыков. Так, казак Киприян Яковлев «купил у них, калмык, татарскую бабу Четерева улусу у калмыка Манжи Лозанга, а дал за такую бабу денег 30 рублей, да бешмет китайчетой, шапку соболью, сапоги сафьянные» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 99). В другом случае, после набега на улусы, «взятых калмык он де, Леонтей с товарищи своими, продал в Черкасской армянину Григорью Муратову, а оной де Григорей продал в Азов. Помянутыя калмыки бежали из Азова обратно в Черкасской, а из Черкаскова отпустил их, калмык, войсковою атаман в улус Досангов» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 103об.-104).

Весной 1734 г. явилась в астраханскую контору татарских и калмыцких дел русская женщина Эркиша с двумя малолетними дочерьми (6 и 7 лет), взятая в плен с Дона в Булавинское восстание в возрасте лет пяти. Хозяин Анчика – владения Шакур-ламы, работала на него больше 20 лет. Замужем не была (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 255). 14 августа 1737 г. выехала из улусов в Царицын русская Агафья, 35 лет. Взята в 5-летнем возрасте кубанскими татарами. В 1736 г. российские войска были в Крыму и Агафью взяли Лекбеевы люди (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 74). А вот показания Настасьи Петровой, 43 лет, из малороссийского (т.е. украинского) города Пеный (или Пены), простого отца дочь. 33 года назад ее отец из того города пришел жить в новопоселившееся село Ворону, где жили три года. Потом напали калмыки, село сожгли, а жителей взяли в плен. Настасья жила в улусе Доржи Назарова у калмыка Менки. Он выдал ее за своего свойственника Доржи, и она прижила с ним двух мальчиков и дочь. После смерти мужа детей Менко взял к себе. Настасья, «вспомнив христианский закон», выбрав подходящее время, оставив детей, бежала. В пути она встретила едущих драгун, которые, откликнувшись на просьбу, привезли ее в Астрахань, откуда она добралась до Дубовской станицы, где жили несколько знакомых ей украинских семей (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1009-1009об.).

Летом 1737 г. вышел для крещения в Царицын Иван Ларионов. В доношении своем царицынскому коменданту полковнику Петру Кольцову он сообщал, что родом был из Качалинской станицы, казачий сын. 31 год назад был пленен калмыками в степи. Женился на калмыцкой девке Кубрюке, имел двух сыновей и дочь. Жена и дети не крещены, просит крестить (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 213). В этом же 1737 г. случилось событие, призванное урегулировать важную проблему. Указом Анны Иоанновны от 16 ноября 1737 г. повелевалось: «Калмык и других наций, которые хозяевам достаются больше малолетные и многие купленные для употребления к воспитанию и обучению их от хозев немалого иждевения, позволяется всякому таких покупать и крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, только с одною запискою, чтоб ведомо было, сколько оных ныне находитца и впредь прибудет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 162. Л. 154).

Указы указами, а жизнь шла своим чередом. Из показаний выходца из улусов: Тимофеем зовут, чей сын – не помню, родиной Иловлинской станицы. 31 год назад – дело происходит в 1738 г. – малолетним взят в степи вместе с матерью Анной. Жил у калмыка Гепку, женился на калмыцкой девке Шикире. 6 лет назад Гунга-Доржи – дербетский нойон – ходил в поход под Черкасской для разорения, и он был в том походе. Во время этого похода «продал ево, Тимофея, зайсанг Генджиб в город Азов татарину Хорос мирзе», а через месяц продан в Крым. Через 4 года бежал и сего 1738 г., идучи трактом, пришел к войску калмыцкому, имевшемуся для разорения кубанцев. «И в том де войске отдали ево, Тимофея, вышписанному прежнему хозяину Гепку, у которого де он, Тимофей, пожив малое время, бежал в город Черной Яр» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 284).

О некоторых сдвигах в сторону сближения и потепления в отношениях между местным русским и калмыцким населением говорят сведения, относящиеся к 1739 г. 12 сентября этого года в Царицыне

у Калмыцких дел (местный административный орган по связям с калмыками) П. Кольцова просил определенный на царицынском торгу дарга Солом словесно, что когда по приказу Кольцова кочующие близ Царицына калмыки из-за имеющейся среди них болезни отосланы от города вдаль, и в то время одна женщина умерла, после которой остались дети – мальчик и девочка, которых взяли царицынские жители, подканцелярист Яков Гладков с товарищами. Ныне отец тех детей для розыска их приехал из улусов, и чтоб он, полковник, мальчика и девочку приказал отыскать и отдать ему, Солону, для передачи отцу.

Вскоре Гладков был найден и допрошен. Он поведал, что назад тому пятая неделя принесла жена его Марья Нестерова в дом калмыцкую девочку примерно возрастом одного года. Жена сообщила, что ходила она «для гульбы на реку Царицу к брату своему» царицынскому купцу Анисиму Колесникову в огород, «и в то время сказала ей оного Колесникова купленная женка калмычка Татьяна..., что имеется за рекою Царицею умершая и лежащая в кибитке калмычка и при ней обретаются дети ее малолетние мальчик и девочка, а как зовут – не знает. Жена пошла и взяла девочку, «но притом еще поодаль той же кибитки остался... мальчик. И по взятии реченной девочки объявляла она имеющимся неподалеку той же кибитки кочующим калмыкам, ис которых калмык призналась той девочки и тетка..., которая по приводе той девочки приходила к нему, Гладкову, в дом» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 53-54). Здесь нужно пояснить, что тетя девочки не оказывала помощи ей и ее матери не из-за бессердечия. Очевидно, болезнь была оспой, от нее у тогдашних калмыков не было иммунитета и, чтобы другие не заразились, больных оставляли и откочевывали от них.

Вернемся к нашему повествованию. Через три дня Гладков объявил о девочке определенному при калмыцком базаре царицынскому дворянину Якову Татаринову, к тому же Гладков «у объявленной девочкиной тетки намерен был в том взять и калмыцкое письмо, но точно на другой день та девочкина тетка с протчими калмыки отогната от города Царицына вдаль в степь». После удаления калмыков на третий день узнал Гладков, что и мальчик взят царицынского полка каптенармуса Гарнова женой Василисой Фроловой. Недели три назад девочка захворала, поэтому Гладков ее крестил, а неделю спустя после крещения девочка умерла «и погребена здесь у Троицкой церкви здешним же попом Максимом Степановым».

Василиса Фроловна Гарнова тоже была допрошена: пять недель назад была она за Царицею на калмыцком базаре для покупки коровы. «И в то де время усмотрела она от имеющихся за тою рекою кочующих калмыцких кибиток неподалеку лежащего в степе калмыцкой наци мальчика одного, например четырех лет..., которого де она взяв и привела в дом свой и держала недели с четыре некрещеного, а потом сего сентября 7 дня по прошению ея, Василисину, тому калмыцкому мальчику здешней соборной церкви попом Никоном Панфиловым наречено по руски имя Симеоном, и по наречении имя оной калмыченок тем же попом и крещен... Того калмыченка она, Василиса, и поднесь не объявляла за простотою своею» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 54об.-55). Будем надеяться, что Симеон (видимо, просто Семен) прожил жизнь благополучно, хотя сделать это в то время было не так уж легко.

Очень интересно познакомиться с двумя женскими одиссеями, к тому же они полезны для раскрытия интересующей нас темы. Первую звали Татьяна Эрке, была она крещеной калмычкой, выросла в улусе хана Церен-Дондука в аймаке зайсанга Цахыра. Шесть лет назад (допрос идет в 1739 г.) вышла, желая креститься, на бахчу царицынского жителя Андреяна Тимофеева, который привез ее в Дубовку и крестил. Восприемником у нее был царицынский посадский человек Осип Шобуров, который и выдал ее за тамошнего казака Макара Устимова, с которым жила «малое время». Потом муж поехал по своим делам за Волгу, «где ево воровские калмыки в плен и взяли, а после де ево пришед она на бахчу ж» к царицынскому бобылю, имя не знает, который выдал ее замуж за приемыша своего новокрещеного мордвина Николая Тимофеева. С ним жила один месяц, а потом муж, не захотев с ней жить, отослал ее от себя в Царицын. Здесь пропитание имела до сего дня мирским подаванием. Муж Николай Тимофеев года два назад умер. А что дворянин Иван Толпыгин показывает на нее, что она хочет бежать в улусы, «и то де по ненависти донесла на нее, Татьяну, ему, Толпыгину, здешняго толмача Василья Эрке Хары жена ево Дарья Иванова» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 121-121об.).

Теперь о второй нашей «героине». 27 сентября 1739 г. стоявший в Царицыне на карауле «у гобвахты» астраханского гарнизона терского полка каптенармус Андрей Рострыгин у Калмыцких дел объявил, что сего числа явилась ему на гауптвахте «русская женка, вышедшая ис плену от калмык». Ее допрос: Марьею зовут, Иванова дочь, 65-й год. Родиною Казанского уезда деревни Чистова поля, Сосновое тож, крестьянская дочь. 50 лет назад взята вместе с братом и сестрой и с прочими той деревни россиянами в плен калмыками, главным у которых был башкир. Отдана в улус хана Церен-Дондука, в аймак зайсанга Иштута, а куда брата, сестру и остальных дели – не знает. «И во оном аймаке была она у зайсанга Тулбая», который выдал ее замуж за русского же пленника, по-калмыцки звали его Шороем. Ей дали калмыцкое имя Бика. Родилась у них дочь Элзюка, «которую по возрасту оной зайсанг Тулбай взял за себя в замужество и, прижив с нею пятерых детей, умре. И потом ис того аймака, от урочища Уласту, за старостию и за знанием русского поколения (т.е. что она русская по рождению – Авт.), привезли ее того ж аймака калмыки самовольно на

имеющийся при Царицыне калмыцкий торг и отпустили для житья на волю» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 139-139об.).

Жили в улусах и представители других народов: крымских и кубанских татар, казахов, башкир и, реже, других народов Поволжья – мордвы, чувашей, марийцев. Большинство из них попадало в плен во время набегов калмыков. Приведем несколько примеров. Одна пленная кубанская татарка показывала, что, выбежав из улусов в 1748 г., «по взятии в плен досталась она, Уксажин, в аймак наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши бывшего зайсанга Бордона калмыченину Цагану, а оной Цаган по приводе в калмыцкий улус отдал ее дяде своему, того ж Бордонова аймаку калмыченину Дакбе, у которого она, Уксажин жительство имела по се время в холопстве» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 132). Был случай, который произошел с пленной женщиной по имени Кишикта. Приведенная к уже известному нам Кольцову, она заявила, что не помнит, откуда и какой нации, а потому «ныне как в российсках жилищах быть, так и христианской закон восприть не желает, а хочет паки жительство иметь в калмыцких улусах, так как у нее там дочь, которую она прижила, будучи в улусех, с калмыками» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 119. Л. 585-586).

Что касается казахов, их в улусах было настолько большое количество, что они были причислены к отдельной группе населения и назывались Хаск Ковюд (в архивном деле их название пишется Хасак Кобнок) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 268. Л. 541). 3 октября 1762 г. в Астраханскую губернскую канцелярию подали доношение (просьбу) две мангышлакские туркменки: лет с десять назад были пленены казахами, а потом ими проданы в Оренбурге калмыкам, а те ныне «за старостию» отпустили их на волю (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 342. Л. 290).

Характерный штрих в рисуемую нами картину добавляют показания армянина Аслана Иванисова. Родом он был из Бахчисарая, откуда в 1727 г. по собственному желанию еще с двумя тамошними армянами приехал в калмыцкие улусы и сначала находился для услуг при Досанге. Два его товарища вскоре вернулись обратно, а он остался. По смерти Досанга, при его сыне, он вместе с ним уходил на Кубань к Дондук-Омбо. Когда же Чидан, сын Досанга, был убит по приказу отца, т.е. Дондук-Омбо, Галданом-Нормой, то он пристал к Дондук-Омбо и вместе с ним вернулся к Волге, и с той поры и доныне находится в калмыцких улусах для торгу. Между тем, введя в армянский закон одну калмычку, женился на ней и имеет от нее одного сына и двух дочерей. При Дондук-Даши, хотя он для занятия торговлей из улусов в Астрахань отлучался и находился там лет с шести, однако в число тамошних мещан армян не приписан и числится калмыцким подвластным (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 69).

С увеличением русского населения на юге Европейской России, с введением в хозяйственный оборот ранее пустующих земель сокращались пастбищные территории. С середины XVIII в. в саратовском Заволжье появились поселения иностранных колонистов. Управляющий Калмыцкими делами И.А. Кишенской отправил 7 августа 1767 г. доношение астраханскому губернатору Н.А. Бекетову с массой примеров о хищениях иностранными колонистами лошадей у калмыков, о неудовольствиях наместника и владельцев. Далее он писал о том, что, боясь этих грабежей, калмыки в этом году в верхних местах не кочевали, а скучились в южных (астраханских степях), отчего в воде и корме для животных великий недостаток.

В конце своего доношения Кишенской пишет о своих тревожных наблюдениях: «Сколько мною примечено, то калмыцкий народ и без такого чинимаго им от русских людей озлобления, по причине заводимых ныне на луговой стороне для иностранцев селений в тех местах, в которых они с начала прихода в российское подданство кочевье имели и всем во оных привольством довольствовались, а ныне от того всекрайнее притеснение терпят, в немалой колебленности находятца, представляя в том несносное свое неудовольствие и оскорбление» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 120-125). Надо вспомнить, что это писалось буквально накануне событий января 1771 г.

Еще раньше, 31 августа 1766 г., Кишенской рапортом сообщал астраханскому обер-коменданту генерал-майору К. Розенбергу: «Пред сим неоднократно мне приносили калмыки жалобу, что стоящие от Астрахани до Царицына по казачьим станицам и дистанциям, также и по фарпостам казаки не допускают их, калмык, быть в тех местах, где напред сего они беспрепятственно кочевье имели, и не токмо со оных ссылают, но нигде им при Волге места не дают, отчего они крайнее утеснение, да и в прокормлении скота своего немалую нужду претерпевают, о чем и наместник ханства неоднократно ж мне напоминал» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 132). По этим жалобам послан был от Кишенского «нарочный» с приказом, чтобы казаки в неподлежащих к их станицам, дистанциям и форпостам землях кочевать калмыкам не запрещали, на что они ответили, «что они поселены тамо с дачею (дали им – Авт.) им всех лесных угодьев и сенных покосов, которых де им против прежняго гораздо больше надобно, и затем (потому – Авт.) они не только в ближние, но и в дальние места допускать калмык не будут». «А вам известно, – продолжал Кишенской, – что калмыцкий народ почти весь по Волге располагает кочевье свое, а особенно бескотные, которые кочевать за главными улусами не могут, остаются на нагорной (правой – Авт.) стороне в займищах, куда их ныне поселенные казаки ни одной кибитки не пускают, отчего калмыки, да и сам наместник оказывает великое неудовольствие» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 133). Он же оповещал К. Розенберга рапортом от 2 сентября 1766 г.: «Наместник жалуется, что казаки Ветляницкой

станции, не довольствуясь захватом всех мест на нагорной стороне, еще и на луговой в урочище Цаган-Амане, где с давних пор отец его и он сам со своими улусами осенью месяца по два в одном и том же месте, до самого перехода с луговой на нагорную сторону, пребывают, всю траву выкосили, и в том ему всекрайнюю обиду сделали». Кишенской посылал осмотреть те места, о которых шла речь, и оказалось все правдой, причем выкосили именно в том месте, где останавливается наместник (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 138-139).

Наконец, Кишенской доносил Н. Бекетову рапортом от 4 октября 1766 г., что ныне на луговой стороне по рекам Большой и Малый Караманы поселилось немалое число иностранцев, а через эти реки не переправясь, калмыки не могут иметь торг в Саратове, куда следуя, они, по обыкновению своему, где только завидят поселение, туда и заезжают для продажи своего скота, не рассуждая, есть там бодокчей (калмыцкий представитель на базарах и иных местах) или нет, а потому их всякий обидеть может, как это произошло нынешним летом с людьми нойона Бамбара. Они ехали для продажи овец в Саратов и заехали к поселившимся на реке Большой Караман немцам колонистам, которые объявили их ворами и, сковав «в железа», привезли в Саратов в городскую канцелярию, где, по доказательству их невинности, были освобождены.

Недовольство калмыков вызывала и начавшаяся в это время практика разбора спорных дел между ними и окружающим российским населением в канцеляриях нижеволжских городов. По этому поводу наместник Убаши при личной встрече с Кишенским выразил свое крайнее неудовольствие тем, что при этом необходимо отсылать в эти города истцов калмыков. Отправлять людей в городские канцелярии они не будут: 1) раньше такого не было; 2) да и посланные до этого в Саратов, Царицын, Дмитриевск никакого удовольствия не получили и, немало пробыв там, с крайним разорением назад воротились (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 153).

Кишенской в рапорте Коллегии иностранных дел от 19 октября 1767 г. замечал: «И в самом деле истцы калмыки ни по одному своему делу удовольствия получить не могут, а единственно делается время от времени одна проволочка, как то в Дмитриевской комендантской канцелярии ныне тому другой год по двум делам, ...и по другим калмыцким жалобам поныне ещё следствия не окончаны» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 153). Ответом на представления Кишенского стал указ ему от Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1767 г., где говорилось среди прочего о том, что его просьба иметь в городах Астраханской губернии подчиненных ему должностных лиц для разбора дел между калмыками и русскими, к тому же Коллегия считает, что они должны и в канцелярии этих городов входить с представлением о скором решении подобных дел, считается справедливой, и ему то сделать разрешается и отпускается на жалованье таким людям 500 рублей на год (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 395. Л. 59-62).

Территориальные проблемы между калмыцким населением и колонистами усложнились. В 1767 г. Кишенской встречался в селе Золотом с «главноприсутствующим» в «Конторе опекунства иностранных» бригадиром Резановым, где решили ограничить (т.е. провести границы) все занятые под селениями колонистов земли с тем условием, чтобы калмыки не приближались к дачам поселенцев на пять верст. В случае же необходимости, ради прогона скота для продажи и мены к Волге и для покупки хлеба и других необходимых товаров, назначить особые прогоны к Саратову.

По этому поводу было совещание в Москве представителей Коллегии иностранных дел и Конторы опекунства, где присутствовали Н. Бекетов, Кишенской и Резанов. Результатом совещания стал доклад, который был передан Екатерине II для конфирмации. В нем, среди прочего, говорилось: отвести для поселяющихся колонистов на луговой стороне Волги земли, простирающиеся по берегу Волги от р. Иргиз до р. Еруслан, чтобы с обеих сторон их дачи имели живые межи (т.е. реки), но в ширину назначить столько, чтоб вершины некоторых речек, текущих в тех местах, хотя бы на небольшое расстояние остались за межою, так как калмыки имеют нужду в воде во время перехода с Еруслана на Иргиз. Притом необходимо, чтоб до конфирмации не прибавлять селений колонистов, ни места, сверх уже назначенного, не добавлять под поселения.

2 апреля 1768 г. Контора опекунства прислала Кишенскому предложение расширить запретные для кочевания калмыков зоны и т.п., что противоречило договоренности Кишенского с Резановым и докладу императрице, о чем руководитель Калмыцких дел напомнил астраханскому губернатору, т.е. Н.А. Бекетову. В конечном счете проезды и прогоны к Саратову были назначены в количестве трех: 1) ниже Саратова между р. Терновкой и р. Мечетной; 2) выше Саратова, оставляя заселенную украинцами Покровскую слободу в середине; 3) к селу Малыковке (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 400. Л. 235-238). В целом это решение ущемляло права и интересы калмыков.

Донесением от 2 октября 1768 г. Кишенской доводил до сведения губернатора, что наместник выражает неудовольствие в том, что по делам русских с калмыками в Астрахани, а также с армянами, татарами и другими народами разборы происходят в магистрате, армянском радгаузе, азиатском татарском суде, но к тем разборам калмыцких бодокчеев не призывают, а решают дела сами, а о назначении по тем решениям взыскания объявляют бодокчегам задним числом. Поэтому, когда последние призывают судимых людей для исполнения назначенного судом взыскания, то они от того отпираются, якобы то наложено на них напрасно, отчего происходят немалые затруднения. Наместник просит, чтоб все такие разбирательства производились по прежним примерам, как

издревле при предках его происходило, вместе с их бодокчями, ибо если они к тому допускаемы не будут, то и определять их при городах надобности нет. По этому доношению Бекетов в соответствующие места указал производить судные дела в присутствии бодокчеев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 403. Л. 543).

8 марта 1769 г. Кишешской рапортовал Бекетову: наместник, владельцы и зайсанги жалуются, что астраханские купцы, которые поблизости здешних мест содержат рыбные ватаги, калмыкам запрещают не только в откупных водах, но и в расположенных около ватаг озерах, собственно для пропитания их самих ловить сетями мелкую рыбу, а также и по буграм ближайшим пускать скот, хотя сами купцы своего скота при ватагах и не имеют (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 409. Л. 285). Все территориальные проблемы между калмыками и соседним населением были заглушены и отодвинуты январскими событиями 1771 г. Позже, в XIX в., вопросы землевладения и землепользования временами вновь выходили в Калмыцкой степи на передний план, но они вызывались уже другими причинами и обстоятельствами. Возвращаясь вновь в XVIII в., представляется необходимым обратить внимание на одно явление, которое бытовало в калмыцком обществе того времени и на котором в советской историографии Калмыкии предпочитали не фокусировать внимание. Между тем существенные сдвиги в методологии изучения и освещения истории, в том числе и в первую очередь отечественной, диктуют необходимость при исследовании прошлой жизни того или иного народа нашей страны исходить из принципа объективной истины.

Продажа и дарение людей

В России XVIII в. при существовании крепостного права продажа и дарение людей не были столь уж редким явлением, существовали они и в калмыцком обществе. В русском населении право продажи людей принадлежало дворянам, у калмыков продавали и простолюдины, хотя официально это не разрешалось, особенно вольных людей. Жена Чакдорчжаба, Джала, писала 11 февраля 1713 г. астраханскому коменданту М.И. Чирикову: «У наших попов ушли дворовые две девки, и вы одное девку нам отдали, а другую оставили у себя, и которую оставили девку и тое девку хотел ты у меня просить; и нам отдать нельзя для того, что те калмыки у нас вольные люди, а буде бы полонка (пленная – Авт.) или татарка, или иных родов какая-нибудь, мочно бы вам отдать. А по нашему закону своего калмыцкого роду отдать нельзя» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Мы увидим далее, что этот «закон» на практике не соблюдался.

В декабре 1741 г. В.Н. Татищев, ознакомившись с обстановкой, писал вице-канцлеру, небезызвестному А.И. Остерману: из улуса Джан много продается людей из числа захваченных ею у других владельцев пленных – на Кубань, в горы Северного Кавказа, астраханским татарам, «через то весь калмыцкий народ вскоре исчезнуть может». Здесь же он высказывал свое мнение: выход из сложившейся ситуации виделся ему в запрете покупать калмыков нерусским народам при строгом контроле за этим со стороны местной администрации. Русским же покупать позволить, но в здешних городах купленных не держать, а выводить в Русь и отдавать комендантам, за которых из казны платить от 10 до 15 лет (продаваемым – Авт.) по 15 руб., от 15 до 40 лет по 25 руб., которых можно употребить в службу вместо рекрут, в чем немалая польза быть может (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 133. Л. 25-26). Это предложение астраханского губернатора и одного из первых русских историков поддержано не было.

За три года до него, как бы предваряя его мнение, царицынский дворянин Я. Татаринов объявлял в царицынской городской канцелярии: «что как прошлого 1738 зимним, так и нынешняго 1739 годов летним временем при бытности ево на имеющемся при Царицыне калмыцком торгу в продаже розсианом от калмык их люди, как большаго, средняго, так и малаго возрастов мальчики и девочки находились, а имянно большие по осьми рублей, средние по пяти рублей, малолетные по рублю по двадцати копеек» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 107). Разумеется, здесь надо учитывать курсы тогдашних денежных единиц.

В декабре 1741 г. наместник Дондук-Даши говорил В.Н. Татищеву, что он во всех улусах запретил продавать калмычат, только имеется здесь, в Астрахани, «у татар и бухарцев в покупке оных немалое число». Наместник просил, чтобы Татищев запретил этим людям впредь заниматься подобной покупкой, а имеющихся у них уже купленных – переписать (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 132. Л. 217). Предпринимаемые меры по запрету продажи людей не помогали. Возникают вопросы: кого продавали, кто продавал и почему продавал?

Во время болезни В. Татищева Калмыцкими делами управлял коллежский асессор Ф. Черкесов. Он, будучи в марте 1745 г. в улусе наместника, спрашивал Эби-гелюна, с которым был в дружеских отношениях, «для чего так калмыки много своих ясырей (пленников, невольников – Авт.) продают?»

Собеседник со знанием дела отвечал ему: «От скудости, ибо податей берут много, а прибыли ниоткуда нет, а раньше калмыки отгоном скота от казаков и от татар богатели, а ныне между собою воруют и разоряются. К тому же от наместника определяемые судьи каждый разбогатеть хочет, а наместник судей не очень в страхе содержит, и таким образом принуждены и холопей продавать» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209). Ему же говорил зайсанг Шонхолдок, Саков сын, что «калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли, и столько де наместнику не зберут, сколько

зборсчики себе набрали. Посмотри де тех калмык, как набогатились, которые с наместником вверху задержаны были (при правлении Дондук-Омбо его соперник Дондук-Даши временно был поселен на р. Самаре в Симбирской провинции). Ныне оные все зайсангами стали, и цоохуровы богатые улусы почти скудными сверстали, и ныне де многие улусы в великих долгах находятся» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209).

Ф. Черкесов спросил: «Что ж ты и другие зайсанги об этом наместнику не доносите». На что Шонхолдок ответил: «Разве ты привычки наместниковой не знаешь, если кто-нибудь ему что-то предложит, тотчас резолюцию учинит, а исполнится ли тот приказ, до того ему дела нет, и хотя он сам о чем-нибудь услышит, сделает вид, что это его не касается». Некоторые зайсанги о положении дел ему докладывали, и от него приказ есть о податях сделать рассмотрение, но только бывшие при нем вверху зайсанги до того не допускают, и что хотят, то и делают (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 212-213).

Продажи людей увеличивались во время междоусобий. В то время, когда Дондук-Омбо в борьбе за власть уходил на Кубань, убежавший от него калмык владения бывшего тогда ханом Черен-Дондука показывал: «Да как он, Дундук Батыр, был при улусах Дундук Амбы, то владения ево люди Черен Дундуковых калмык брали себе по приказу Дундук Амбы и продавали кубанцам, крымцам и азовцам, и торгуют де все Черен Дундуковыми людьми» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 66. Л. 152). Позже, когда его правление клонилось к закату, побывавший у солтанульских татар дворянин Яков Ахматов сообщил руководителю Калмыцких дел полковнику Л. Боборыкину, что калмыки продают мурзам «жон и детей своих...». Последний довел сообщение до хана и запрещал не вообще продажу, а чтобы продавали только русским. Дондук-Омбо ответил, что калмыки пришли в самое убожество (к чему приложил руку и он сам – Авт.) и от того принуждены жон и детей своих продавать, а русским не продают потому, что те мало платят, чем татары» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 123. Л. 50-500б.).

Иногда «продажа» и «купля» были довольно необычными. 6 июля 1733 г. занимающий в Саратове воеводскую должность капитан Суровцев написал доношение в канцелярию Симбирской провинции. 21 мая этого же года письменно оповестил его нойон Лабан-Дондук, что у людей его, живущих в селе Мальковке, украли мальчика. Оказалось, что того мальчика видел дворцовый крестьянин Яков Матвеев в Симбирском уезде в вотчине майора Данилы Симонова в селе Каранине у крестьянина Якова Китаева.

Мальковский управитель Тимашев, взяв отца мальчика Утачу, ездил в Симбирск и воеводе Гурьеву, подал доношение, но тот, «знатно по стачке (сговору – Авт.) с ним, Симоновым, или изо взятков решения никакого не учинил». Воевода взял Утачу «к себе в хором», не пуская Тимашева с его толмачом, через другого местного толмача Яфкая о чем-то разговаривал с Утачей. Но Тимашев узнал, что Гурьев при Симонове говорил Утаче: если сын найдется и скажет, что к отцу не пойдет, то Утача получит немалую плату. Потом Гурьев сказал, чтобы Утача ехал домой на месяц, а Симонов, как разыщет его сына, пришлет в город с крестьянином Яковым Китаевым. Послан был солдат Яков Гладышев для взятия мальчика и крестьянина, но последнего дома не оказалось, а мальчика не дал Симонов, сам, мол, будет в городе. О доставке в суд этих двух лиц Симонов дал в Симбирске подписку 27 июля (доставить должен до 4 августа) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 291-2910б.).

13 августа Симонов подал челобитную, что Китаев бежал с несколькими его людьми, а Шору Утачина объявил при подаче прошения. В допросе он сказал, что зовут его Алексеем Петровым, а калмыцкое было Шорой Утачин, Четерева улуса, у которого пас он рогатую скотину, а потом сбежал оттуда в Терсинскую слободу к крестьянину, как зовут, не знает. Тот отвез его в тот же день в вотчину Симонова в с. Каранино и отдал самому ему, у него и жил, а в 1732 г. крещен. После допроса отдан Симонову под расписку (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 294).

Вскоре события дали резкий поворот. Караульные солдаты в Симбирске привели в канцелярию калмычонка «в красном суконном ветхом камзоле, боса, да при нем же была шляпа ветхая». Это был Алексей-Шорой. Он поведал, что пас скотину под селом Мальковкой, и приехали из с. Терсы два человека на саях, кто они – не знает, поймали его, били плетьюми, посадили в сани и привезли в с. Терсу, куда приехали крестьяне Симонова, которые доставили его прямо к своему хозяину. Оказывается, на первом допросе Шорой, по научению Симонова, врал. Яков Китаев никуда не бежал, живет у себя (Симонов дал ложные показания) и даже в сентябре привел хозяину малолетнюю калмыцкую девочку, которая крещена попом Иваном Антоновым. За ним посылали три раза, но якобы «не сыскали». Шора был прислан в Контору калмыцких дел г. Саратова. Окончательно дело решилось тем, что с Симонова определили взыскать за крещение 30 рублей, а Шору определить «в надлежащую службу» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 293, 2940б.-295). Описанный выше случай показывает, что в XVIII веке в определенных кругах дворянства – более всего в аристократических – была, если так можно выразиться, мода иметь в своем владении калмыцких детей обоего пола. Как мы видим, желание это достигалось и недозволенными методами.

Впрочем, можно было действовать вполне легально. Ниже воспроизведем с небольшими сокращениями одну просьбу, которая скажет сама за себя. Ее подал в Саратове 30 ноября 1734 г. посадский человек города Орла Иван Федорович Иноземцов на имя императрицы Анны Иоанновны. После пышного титула адресата орловец пишет: «Сего ноября 6-го дня купил я... в Саратове у обретающейся при Саратове некрещеной калмыцкой бабы Дегара сына Азла семи лет, на которого

дала она мне в продаже письмо, а при той продаже свидетели были некрещеные ж калмыки Далхур и Шарап, а крещеной Сандер Иши. И тому их письму владением впрок (так в тексте; речь идет о том, что по этому письму владеть купленным мальчиком орловец опасается – Авт.) надежды я не имею, чего для и держать его у себя опасен».

Всемиловейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества да повелит державство ваше показанное данное мне от помянутой бабы Дегара в продаже на сына Азла письмо к калмыцким делам принять и с того, також и с сего челобитья за свидетельством дать мне копию». Речь здесь идет о том, что простую расписку Дегары могли принять за недостоверную, и Иноземцов перестраховывается, прося официальный документ. Здесь важно подчеркнуть, что такую куплю считают вполне законной (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 419).

Однако незаконные купли продолжались. 10 марта 1734 г. в Астраханской конторе татарских и калмыцких дел присланный от ханши Дармы-Балы посланник Чамчо представил калмыка Дюшея. Тот объявил, что отняли у него двух братьев солдаты команды поручика Ащерина, согласясь с калмыками. Одного солдата он знает, фамилия его Кулаков. Последний был найден и подвергнут допросу. По его словам, на форпосте астраханского драгунского полка поручик Данила Ащерин назад с неделю или больше призвал его к себе и сказал, чтоб он поискал калмыков, купить двух калмычат.

Кулаков ответил, что без посредничества собственно калмыков сделать это трудно. Ащерин сказал, чтоб взял калмыка из кочующих поблизости форпоста. Кулаков взял знакомого ему некоего Булатку, с которым, ходя по кибиткам, спрашивал о продаже, но никто не продал. Об этом Кулаков донес Ащерину и вышел во двор, где Булатка и товарищ его Лозон стали ему говорить: иди к поручику и скажи, что мы ему доставим двух калмычат, только пусть заплатит «за труды». Ащерин велел позвать доставальщиков и сказать им, что, если они доставят требуемое, он им хорошо заплатит. С ними поручик послал двух драгун. Все они приехали на лошадях к кибиткам, от рыбной ватаги в полутора верстах, вошли в одну из них и взяли «сильно» двух калмычат по указанию калмыков-сообщников, т.е. Булата и Лозона, и доставили поручику, который дал им деньги, сколько – Кулаков не знал (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 427-428об.).

Официально считалось, что простолюдины не имеют права продавать людей. Например, секунд-майор П. Гак, бывший на Дону для розыска и возвращения в улусы некрещеных калмыков, уведомлял астраханского губернатора А.С. Жилина доношением от 27 ноября 1755 г.: «Тажкож нашлось несколько ясыря, о которых объявляли, якобы куплены в улусах, а писем и достоверного свидетельства не представляли. По большей же части тот ясырь покупан не у владельцев или зайсангов, но у подлых (простолюдинов – Авт.) людей, кои никакого права продать не имеют» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 285. Л. 8-9). Однако архивный материал показывает, что продавали.

Надо отметить, что покупателями продаваемых людей были и духовные лица. За 1762 г. сохранились показания некоего Кобеня (Ковюна) Очирова сына, 47 лет, пришедшего в Енотаевск для крещения. Владения он был наместника Убаши, Керетева улуса, аймака зайсанга Шарап-Доржи. Однако отец, мать, а в малолетстве и он, были в ведомстве керетева же зайсанга Биоко (Бёко) Марсана, где родители его оба умерли, а он лет с тринадцати продан тем зайсангом «попу Лузан гелюнг», который женил его на имеющейся у него в холопстве девке, с которой прижил детей: трех сыновей и трех дочерей. В недавнем времени одну девочку тот гелюнг отдал в приданое за своей дочерью, а ныне и последних его детей, неведомо за что, хочет продать. У этого Кобеня у жены дед был русский пленник, который бежал на Дон, оставив семью в улусах. Она была Икицатанова улуса, после смерти родителей осталась круглой сиротой и жила того же улуса в аймаке зайсанга Доди, который и продал ее попу Лоузанг гелюнг. Семья была отправлена в Ставрополь-на-Волге, где жили крещеные калмыки (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 168-169).

В том же 1762 г. управляющий Калмыцкими делами А. Бехтеев писал наместнику Убаши: подвластный ваш Цорик Гецюль просил меня, что дядя его Сетерту-Дамбо гелюнг купил на собственный свой скот 19 кибиток людей да особо двух мужчин холостых, а как он умер, то из тех людей 13 кибиток и 25 лошадей отнял зайсанг Джанчип и не отдает (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 458-459).

От тех же 60-х гг. XVIII в. дошли два примечательных свидетельства. Некий калмык Энкеш, выходец из Джунгарии, просил Н. Бекетова, что бывшую у него семью его холопа в трех душах наместник взял насильно и отдал «фабриканту Садыку». Из того числа за одного человека приказал с Садыка взять деньги, а если подлежащей цены Садык не захочет платить, то Энкешу взять человека обратно к себе. В числе тех холопов была одна «девка» двадцати лет, за которую Энкеш требовал 100 руб., а Садык давал лишь 30. Энкеш хотел взять девушку обратно, но «фабрикант» не отдавал. Этот Садык был владельцем шелкоткацкой фабрики. Через подарки наместнику он выпросил от него письмо об освобождении из холопства вышедшего на Волгу вместе с калмыками из Джунгарии перса Абдул Керима с женой его казашкой и дочерью. Вот о них то и зашел спор. В конечном счете Энкеш обошелся 30 руб. и какими-то подарками (Ф. И-36. Оп. 1. Д. 365. Л. 34-35).

Раз уж речь зашла о персах, то с ними связаны еще два случая. Дошло в октябре 1734 года до сведения саратовской администрации, что персидский посланник, бывший проездом в Саратове, Махомет Мирза Казым купил у местного казака калмыцкую «девку», причем этот казак обещал

продать персу еще несколько калмыцких детей. По этому делу был допрошен саратовских казаков десятник Петр Баранников. Он показал следующее: пришел ко мне саратовский посадский человек Михаил Федорович Шадрин, нет ли у меня продажных калмычат (вот так!). Я ответил, что одна девочка есть. Он взял ее и повел, а кому продать, не сказал. Через некоторое время опять пришел он и сказал, что продал посланнику за 14 руб. Потом еще раз пришел с персиянином и взял на нее «данное мне в продаже от калмык письмо, которую я купил во время нападения противника калмыцкого владельца Лубжи на хана Черен Дондука на приверхе реки Ахтубы». Посланник дополнительно объявил через переводчика, что купил еще одну девочку за 7 руб. Продал ее некто Сетьбежин сын «за скудость своею, не ведая о том запрещении». Решено было девочку вернуть обратно, а деньги 7 руб. посланник взять обратно отказался (НК РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 333-340).

Бывшие при российском дворе два персидских посла, Махомед Ризахан и Теибхан, просили дать разрешение купить в Астрахани 10 человек малолетних калмычат обоего пола. Им ответили: такое разрешение дать нельзя, так как иноземцам запрещено покупать россиян любой нации. Однако им дано знать, что если они найдут в Астрахани «продажных у кого из калмыцкой нации людей добровольно и некрещеных, то они могут оных купить без разглашения» не более 10 человек. Эту секретную инструкцию предписано отдать для исполнения астраханскому губернатору. Подлинник подписали в Санкт-Петербурге 4 февраля 1740 года Х. Миних и Петр Курбатов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 306-307).

Наконец, немного о «презентах», то есть о подарках представителей калмыцкой знати таковым же в российском правительстве и местной администрации. Нойон Лабан-Дондук и его мать Доржи-Церен, а также их родственники просили царицынского коменданта П. Кольцова отправить их посланцев ко двору «с письмами и с презентом для поздравления и донесения о некоторых их делах». В презент посылали 15 мальчиков и девочек (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1051). Позднее вице-канцлер А. Остерман поблагодарил Лабан-Дондука: «Я за присланного от вас ко мне черкесского ребенка и от княгини вашей белой шубы вам благодарствую» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 1370б.). Остерману же прислал Дондук-Омбо через посланца своего знатного зайсанга Самтана «двух кубанских из нынешнего взятъя робят», то есть после успешного похода на кубанских татар в 1737 г. (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 65).

Управляющий Калмыцкими делами А. Бехтеев подал объявление, где, перечислив, сколько у него имеется подаренных ему наместником ханства и другими нойонами «в вечное владение» калмыцких семей, а также подаренных поодиночке мальчиков и девочек, просил дать отпись, то есть зафиксировал их за собой (купчая крепость) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 310-311). И последнее, заглянем на минутку на самый верх. Перед нами письмо выдающегося государственного деятеля, воспитателя Павла I, фактического руководителя внешней политики России в 60–70-х гг. XVIII в. Н.И. Панина астраханскому губернатору Н.А. Бекетову из Санкт-Петербурга от 21 октября 1771 г. Вот что пишет граф: «Имея надобность в мальчике и девочке калмыцких от семи до десяти лет, и которые были б в собственном своем калмыцком роде хороши, то есть широколицыя и с малыми глазами, я покорно ваше превосходительство прошу пожаловать приискать таких купить. Издержанные деньги вам верну» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 432. Л. 108).

Судьба калмыков, попавших таким образом в число «челяди» представителей российского дворянства, причем верхнего, аристократического его слоя, складывалась по-разному. Многое здесь зависело от характера и привычек их господ. Вот что пишет в своих записках князь П.В. Долгоруков (1816–1868 гг.): «Мой дед заехал раз летом на Петербургскую дачу к княгине Голицыной, жене фельдмаршала. «Ах, князь, как я вам рада», встретила она его – «дождь, гулять нельзя, мужа нет, я умираю от скуки и собиралась, для развлечения, велеть пороть моих калмыков». Княгиня была рожденная Гагарина, кавалерственная дама, сестра графини Матюшкиной, личного друга императрицы Екатерины II. В ее салоне собирался цвет лучшего общества Петербурга» (Вокруг трона, 1989: 25). Везло тем калмыкам, которые еще в детстве попадали в семьи высокообразованных, гуманно настроенных дворян. Многим, кто знакомился с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, известен факт, относящийся к 1818 г., к периоду существования литературного кружка «Зеленой лампы». Вот как он выглядит в передаче Я.Н. Толстого, участника кружка: «Заседания наши оканчивались обыкновенно ужином, за которым прислуживал юный калмык, весьма смышленный мальчик... Он [Пушкин] иногда говорил: «Калмык меня балует; Азия протезирует Африку!» (Разговоры..., 1991: 8).

Наиболее одаренные из числа таковых навечно остались в российской и калмыцкой истории: это имена художников Федора Ивановича Калмыка (1764–1824), Алексея Егоровича Егорова (1776–1851), гидротехника Михаила Ивановича Сердюкова (1677–1754) (Очерки..., 1967: 398-399, 421-422).

5. Заключение

Как показывают архивные материалы о калмыках, относящиеся к XVII в., отношения их с соседями, в том числе с русскими, были, мягко говоря, часто довольно натянутыми. Пришельцы, каковыми были тогда калмыки в первую очередь, осваивали новые и незнакомые до поры до времени

степные территории в порядке, так сказать, военной разведки. Тайши давали шерти, где говорилось о мирных отношениях, в реальности как раз случались набеги на российские жилища.

В XVIII в. дело изменяется. Столкновения случались, но теперь они больше всего носили бытовой характер и разбирались соответствующими административными учреждениями на местах. Калмыки в этом веке уже реально не осваивали, а обживали заселенные ими территории. Что касается продажи и купли людей, какими бы они ни казались на наш современный взгляд, тогда они были обычными и узаконенными.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Бакаева, 1994** – Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста. 1994. 128 с.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста. Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев, 1993** – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Батмаев, 2008** – Батмаев М.М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2008. 256 с.
- Батыров, 2014** – Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Вокруг трона, 1989** – Вокруг трона. Из записок князя П.В. Долгорукова. Время Императора Петра II и Императрицы Анны Иоанновны. Волгоград: Ниж.-волж. кн. изд-во, 1989. 512 с.
- Дуброва, 1998** – Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан, 1976** – Душан У. Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // *Этнографический сборник*. 1976. № 1. С. 5-88.
- Костенков, 1870** – Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. 368 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Небольсин, 1852** – Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Пальмов, 1929** – Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Издание Калм. обл. исп. комитета, 1929. 391 с.
- Разговоры..., 1991** – Разговоры Пушкина: Репринт. Воспроизведение изд. 1929 г. / Сост. С. Гессен, Л. Модзалевский. М.: Политиздат, 1991. 318 с.
- Цюрюмов, 2007** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Bakaeva, 1994** – Bakaeva, E.P. (1994). Buddizm v Kalmykii: istoriko-etnograficheskie ocherki [Buddhism in Kalmykia: historical and ethnographic essays]. Elista, 128 p. [in Russian]
- Bakunin, 1995** – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osobливо iz nikh torgoutskogo i postupkov ikh khanov i vladel'tsev: sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761]. Elista, 153 p. [in Russian]
- Batmaev, 1993** – Batmaev, M.M. (1993). Kalmyki v XVII–XVIII vekah. Sobytiya, lyudi, byt [Kalmyks in the 17th-18th centuries. Events, people, life]. Elista: Kalmkngoizdat, 381 p. [in Russian]
- Batmaev, 2008** – Batmaev, M.M. (2008). Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov [Family and marriage in the traditions of the Kalmyks]. Elista, 256 p. [in Russian]
- Batyrov, 2014** – Batyrov, V.V. (2014). Ocherki istorii traditsionnoi kul'tury kalmykov poslednei treti XVIII – pervoi poloviny XIX vv. [Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks in the last third of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Elista, 250 p. [in Russian]
- Dubrova, 1998** – Dubrova, Ya.P. (1998). Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii [Life of the Kalmyks of the Stavropol province]. Elista, 181 p. [in Russian]

- Dushan, 1976** – *Dushan, U.* (1976). Obychai i obryady dorevolyutsionnoi Kalmykii [Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia]. *Etnograficheskii sbornik*. 1: 5-88. [in Russian]
- Kostenkov, 1870** – *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province]. St. Petersburg, 368 p. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archives of the Republic of Kalmykia].
- Nebolsin, 1852** – *Nebolsin, P.* (1852). Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa [Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshoutovsky ulus]. St. Petersburg, p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. M., 1967. 480 p. [in Russian]
- Palmov, 1929** – *Palmov, N.N.* (1929). Etudes on the history of the Volga Kalmyks [The Studies on the history of the Volga Kalmyks]. Ch. 3–4. Astrakhan': Izdanie Kalm. obl. isp. komiteta, 391 p. [in Russian]
- Razgovory..., 1991** – *Razgovory Pushkina: Reprint. Vosproizvedenie izd* [Pushkin's Conversations]. 1929 g. Sost. S. Gessen, L. Modzalevskii. M., 1991. 318 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2007** – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista, 464 p. [in Russian]
- Vokrug trona, 1989** – *Vokrug trona. Iz zapisok knyazya P.V. Dolgorukova. Vremya Imperatora Petra II i Imperatritsy Anny Ioannovny* [Around the Throne. From the notes of Prince P.V. Dolgorukov. Time of Emperor Peter II and Empress Anna Ioannovna]. Volgograd, 1989. 512 p. [in Russian]

Из истории калмыцкой повседневности в XVIII веке

Максим Манчиевич Батмаев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены взаимоотношения калмыков с соседними народами в XVIII веке. В это время они занимали своими кочевьями южнорусские степи от Дона до Яика. На юго-западе территории своего кочевания калмыки имели отношения с Крымским ханством и донскими казаками. На юге – с кубанскими татарами, основную массу которых составляли ногайцы, вытесненные калмыками из междуречья Волги и Яика. Менее интенсивными были связи с народами Северного Кавказа, кроме ряда кабардинских князей. На юго-востоке основными соседями были казахи. На северных границах своего проживания калмыки взаимодействовали уже с российским населением, в основном с русскими, а также с башкирами.

В XVII веке, занятые в основном освоением новых мест своего обитания, калмыки контактировали с российским населением чаще всего sporadически, и контакты не всегда, если не сказать более, были мирными. В XVIII веке обстановка постепенно, но теперь уже без перерывов, меняется к лучшему. Вооруженные набеги исчезают; все больше отношения становятся мирными, происходят первые шаги аккультурации калмыков. Идет она подспудно: через переселение русского населения в Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и частично на земли Калмыцкой степи; уход калмыков в соседние города для найма на различные работы; занятие не скотоводческими работами; христианизацию и т.д.

Попадали в калмыцкое общество и представители других народов, чаще всего через плен: кубанские и крымские татары, ногайцы, башкиры и те же русские. Они нередко создавали с калмыками смешанные семьи – ко всему прочему, этот процесс имел влияние на антропологический тип части калмыков.

Ключевые слова: повседневность, заданность повседневности, хозяйственно-бытовые реалии, взаимоотношения народов, аккультурация, переход к мирным отношениям.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maximbatmaev@yandex.ru (М.М. Батмаев)